

УДК 82-94

С.А. Гладких

Котласский краеведческий музей

ОТ ФОЛЬКЛОРА К ЛИТЕРАТУРЕ: ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ НИЖНИХ ЧИНОВ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РУБЕЖА XIX–XX вв.

Статья посвящена анализу матросских дневников и воспоминаний рубежа XIX–XX вв. как художественных произведений. Отмечается переходный характер этих текстов от фольклора к литературе, от устной к письменной культурной традиции.

Матросские мемуары, фольклорно-литературные взаимосвязи.

В отличие от мемуаров, созданных адмиралами и офицерами российского военно-морского флота, мемуарные свидетельства нижних чинов дореволюционной эпохи издаются редко и почти неизвестны широкому кругу читателей. А ведь матросы были в подавляющем большинстве выходцами из крестьян, сохранявшими живую, кровную связь с народной культурой, что неизбежно отражалось и на стиле, и на содержании их воспоминаний. Изучение этих текстов позволяет сделать определенные выводы об уровне образования, эстетического развития, общей культуры и особенностях мировоззрения не только среднего статистического матроса, но и в целом «массового» русского человека рубежа XIX–XX столетий.

Как говорил в начале XX века адмирал А.А. Ливен, *военный флот... есть пробный камень для культурности обладающего им народа* [20, с. 83]. Имевшие дело со сложной техникой, матросы в целом были образованнее солдат, и поэтому в процентном отношении оставили большее количество мемуаров. Первые их публикации появились еще в царской России. В советское же время матросские мемуары почти исчезли из печати, кроме переработанных в нужном идеологическом ключе. В связи с растущим интересом к персональной истории заметно выросло число публикаций в постсоветское время.

Если матросских свидетельств об эпохе парусного флота почти не осталось, то эпоха пара, требовавшая от моряков более высокого уровня общего развития, привела к тому, что во флот стали призывать преимущественно грамотных людей, а также создавать школы грамотности в экипажных казармах и на кораблях. В результате с конца XIX века наблюдается «взрывной» рост числа матросских писем, дневников и воспоминаний. Серьезным стимулом к появлению мемуаров стала русско-японская война 1904–1905 гг.: событие, которое многие его участники старались запечатлеть письменным словом.

Нарастающее ныне тиражирование матросских записей конца XIX – начала XX веков вводит индивидуальные впечатления авторов в сферу общественного сознания, превращая их в элементы духовной культуры российского общества. Однако значение этих документов как исторического источника, безусловно, превосходит их литературную ценность, поскольку низкий уровень грамотности резко снижает благоприятное впечатление от текстов. Автор данной работы также не ставит своей целью всесторонний литературоведческий анализ, а намерен лишь обратить внимание специалистов-гуманитариев на малоизвестный и недооцененный корпус документов, имеющих отношение к российской словесности. Собственно же термин «матрос» используется здесь в обобщающем смысле для обозначения разнообразной должностной номенклатуры нижних чинов российского военно-морского флота.

Следует отметить, что матросская служба, особенно на больших мореходных кораблях, разительно отличалась от казарменной службы солдата. После принятия присяги матрос ступал на корабельную палубу и фактически начинал новую жизнь. Перед человеком, который до призыва редко покидал пределы родной волости, открывался огромный и разнообразный мир, наполненный невиданными чудесами. В дальних плаваниях перед глазами проходили одна страна за другой – с разной природой, с разными людьми, с разными культурами. Такие морские походы необычайно расширяли кругозор и оставляли массу впечатлений, которые настолько быстро сменяли друг друга, что, из опасений забыть, их хотелось записывать. Именно так матросы и объясняли причины появления своих мемуаров: *...и мне Бог приведет попутешествовать по далеким морям на своем веку и подвергаться различным впечатлениям. И вот эти-то впечатления я и хочу записать на память себе; тем более вспомнить иногда о былом будет интересно, если Богом не суждено умереть, а чем дальше*

будет идти наше время, тем ярче будет казаться нам прошлое [16, с. 20; 32, вып. 16, с. 46; 21, с. 182].

Первое, что отличает матросские произведения – очень простой, зачастую неуклюжий, далеко не всегда литературный, но воистину подлинный русский язык. Он свободен от иностранных заимствований, за исключением специальной морской лексики и названий тех предметов и явлений, которых матрос не мог встретить в России. Второе отличие – ориентация на читателя. Матросы отнюдь не делали тайны даже из своих дневников, давали их прочесть и переписать сослуживцам, поэтому доньше сохранились почти идентичные тексты разных людей. Один из моряков в своем дневнике изначально претендовал на высокий статус писателя, именуя себя именно таким образом, и обращался к потенциальным читателям: *господа читатели* или *господа слушатели* [6, с. 61]. Таким образом, авторы считали свой личный опыт общественным достоянием. И, наконец, третья особенность – неразрывная связь этих индивидуальных, личных документов с массовой народной культурой.

Наверное, наиболее яркое мемуарное произведение на основе своих флотских дневников создал Степан Иванович Корзников (1871–1937) – уроженец деревни Весёлой Никольского уезда Вологодской губернии. В 1913 г. он составил воспоминания о своей непростой жизни и несчастной первой любви, опубликованные лишь в 1999 г. под названием «Из записной книжки С.И. Корзникова», с подзаголовком «Народный роман». К сожалению, при подготовке к печати текст был существенно искажен редакторской правкой, но даже в таком изуродованном виде сохранил глубину описанных чувств и живой народный колорит, заслужив высокую оценку выдающегося писателя Василия Ивановича Белова. В статье-рецензии «Русский матрос» В.И. Белов писал: *Это и впрямь роман, только роман документальный... Впервые в жизни я понял, что значит по-настоящему правдивая книга... В некоторых местах я даже плакал. Вряд ли я уж такой природно-сентиментальный. Я думал: вот как надо писать документальные вещи... Правдивей книг я еще не читал...* [3, с. 2]

Среди массы матросского нарратива встречаются даже посвященные отдельным событиям поэтические мемуары, в которых более явно, нежели в прозе, выражен фольклорный элемент. Для характеристики этого явления уместно привести объемную цитату из прежней публикации автора: «На данном частном примере можно проследить архаичную форму фиксации и трансляции значимых событий в памяти народа. Чтобы навеки остаться в социальной памяти, историческое событие должно было трансформироваться в культурное явление. Для этого его следовало закрепить в рамках издавна сложившейся традиции, то есть отразить фольклорными средствами. Происходит своего рода “перекодировка” информации на привычный культурный код... Разумеется, при таком подходе к осмыслению истории теряются многие детали, и повествование становится достаточно стереотипным, обрастая веками отшлифованными фольклорными “штампами”: эскадра “бросается львом”, корабль “летает орлом”, и так далее. Но само событие прочно врастает в память социума» [1, с. 116].

Как отмечал адмирал С.О. Макаров, *На редком из кораблей не найдется сказочника* [23, с. 188]. Не мудрено, что прототипом знаменитого писаховского сказочника Сени Малины стал реальный человек – Семен Михайлович Кривоногов (1856–1932), семь лет отслуживший во флоте [34, с. 408–409]. Развитые традиции сказительства могли причудливо преломлять историческую реальность и в матросских письменных текстах, где нередко присутствует художественная деформация событий «красным словцом».

Глубокие фольклорные корни видны и в частом использовании народных пословиц и поговорок. В дневниках нередко упоминаются и подробно пересказываются сны. Тексты даже одного автора порой неровные: иногда написаны сухо, а иногда и душещипательно, в живом эмоциональном ключе, с любопытными наблюдениями и характеристиками, критическими выпадами и оценками, что отчасти искупает неуклюжесть слога. Иногда эмоции внезапно и резко прорываются сквозь сухое дневниковое повествование. В целом же авторам, несмотря на все издержки слога и стиля, удалось донести свои чувства до читателя.

Специфика мемуарного жанра подразумевает авторский монолог, и лишь изредка он оживляется диалоговыми вставками: как правило, это краткий обмен репликами с офицерами. Однако в записях отчетливо слышны отголоски «бакового вестника» – коллективного матросского обсуждения тех или иных событий из жизни корабля. Авторы, помимо устойчивых фольклорных формулировок, порой бессознательно применяют разнообразные литературные приемы: аллегории, метафоры, эвфемизмы, антитезы, лирические отступления... Поэтому рассмотрим отдельные особенности матросских текстов на конкретных примерах.

Разумеется, в первую очередь бросается в глаза низкий уровень грамотности и образованности матросов, порождающий множество ошибок. Непонятные слова, особенно иностранного происхождения, часто искажаются: *цырмулярный* вместо «церемониальный», *фотографисты* вместо «фотографы», *систерия* вместо «цистерна», *лимонация* вместо «иллюминация», и так далее [12, с. 311; 9, с. 19; 21, с. 31; 35, с. 225]. Иноязычные заимствования приводятся без точного понимания их сути: например, «эксплоатировали» в смысле «злоупотребляли» [27, с. 167]. Французский возглас «Vive la Russie!» услышан и записан как *Библия Руссия* [9, с. 8]. Незнание географии также приводит к своеобразным казусам: появляются *египетский материк* и *страна Африка*, Суэц превращается в почти что русский уездный город *Суетск* [12, с. 320; 8, с. 229; 6, с. 62].

Однако наряду с демонстрирующими малограмотность авторов вербальными порождениями вроде *лобзание устов*, *укладался спать* и *огонь со всех орудиев* [28, с. 267; 29, вып. 2, с. 320], отмечаются и вполне осознанные неологизмы: так, адмирал З.П. Рожественский показан как *человек несообщительный* – не любит сообщать впредь свои предположения [32, вып. 16, с. 42]. Разумеется, присутствуют и забавные несуразицы: например, командир канонерской лодки «Кореец» именуется *корейский командир*; а для необразованного читателя приводит-

ся разъяснение: *трап был убран флагами, обозначающими присутствие на корабле дам (баб)* [12, с. 315; 21, с. 43].

Встречаются и другие формулировки «от избытка образования» – иногда интересные, а иногда дающие комический эффект: *Луна исполняла свой естественный путь; мысли, можно сказать, летают как стрела или как электричество; всё-всё мне представилось последовательно, одно за другим, как лента кинематографа* [21, с. 111; 28, с. 280; 17, с. 55]. Адмирал получает характеристику *упрямый варвар*, а простонародье – *крестьянская раса*; раздражают *саркастические улыбки на рожах неприятеля*, размываются воспоминания о родных – *лежали все они у сердца, но с какой-то изоляцией* [21, с. 55, 58, 200; 27, с. 174]. Матросы могли даже щегольнуть латынью, пусть не всегда к месту.

Лирический настрой авторов обычно прослеживается в описаниях природы. Здесь можно привести немало ярких примеров: от неграмотного, но эффектного *Горы вопились в облака* до развернутых описаний вроде: *Вечер был пречудный. Закатилось солнце, на западе обаялись облака, загорела вечерняя заря. Дул легкий восточный ветерок. На оставляемые нами горы ложились белые облака и расстилались по ним, как бы на отдых текущей ночи* [35, с. 210; 8, с. 231]. И далее: *день одаривал прелестью, вдали пустыни играл нагретый воздух; вершина высокой горы ютила ослепляющий снег; как лебеди, белели наши суда, купаясь в волнах, которые игриво поплескивали о наши борта и рассыпались мелкими брызгами; морская поверхность бурлилась и пенилась от холодного ветра, на небе ммурились и грозили снегом серые облака, отражаясь на поверхности рейда* [21, с. 111, 123; 16, с. 14, 28]. Столь широкая палитра пейзажных образов демонстрирует явный отход от фольклорной условности.

При этом стремление малообразованных эстетов эффектной описать происходящее рождает весьма оригинальные литературные изыски: *Солнце грело, прошибая пот стоящих на его ярких лучах; глаза мои наполнились слезами, которые текли, и им не хватало лица, жестокосердная судьба вырвала из меня мое сердце, и я теперь остаюсь как пустое дупло* [8, с. 224; 17, с. 73–74]. В бою же неприятелю, *нарезавшись на бдительные жерла наших пушек, приходилось туго, и хотя вокруг падали учащенные снаряды, с противником сражались очень благоуспешно* [32, вып. 16, с. 44; 29, вып. 1, с. 103, 223].

Однако наряду со столь корявыми фразами встречаются воистину художественные строки, красочно, зримо и точно передающие реальность: *Легкая мгла чуть-чуть закрывала резкую линию горизонта и воды; по Суэцкому каналу один из кораблей шел впереди нас и, казалось, не водой, а песочным океаном* [33, с. 360; 16, с. 78]. Оригинально и натуралистично звучит: *Солнце стояло отвесно, почти упирало в темя* [8, с. 228].

В пейзажных зарисовках абсолютно господствует многоликий образ моря. Море – то как *стекло гладкое, как мрамор блестит*; то *застывшее, как стальная лава*; а *вблизи оно темное и глубокое, и жутко как-то долго всматриваться в его глубину* [9, с. 17;

13, с. 2, 14]. Море наделяется самыми разными антропоморфными характеристиками: *ничего на горизонте кругом не видать, кроме неба синего и моря сильного, а то тихого как малый ребенок; море, это капризная донельзя женщина – разбухнет и не знает предела; успокоившись, море меняет свою седину на синеву, шатаясь, как пьяное, забывает про свой гнев* [9, с. 15; 32, вып. 16, с. 40; 21, с. 94].

Вторым по значимости является образ корабля с вариациями от стандартных именовании *плавающая крепость* и *чудо современной техники* до *полуфольклорных железных чудовищ* и *богатырей броненосцев* [10, с. 73; 16, с. 16, 32; 28, с. 283]. Незабываем момент гибели корабля, который авторы стремятся описать подобающим образом: *роковой удар сгубил нашего красавца гиганта, и тонущий корабль, глухо вздохнув, как бы отдавая всю свою мощь равнодушному морю... боролся с ним... и от этой борьбы море бушевало как вулкан* [33, с. 368; 32, вып. 16, с. 48].

В текстах встречаются начатки психологизма с рудиментами антропоморфных воззрений и даже мистической трансформацией реальности: *в шторм снасти только стонут, вроде плачут и умоляют; перед боем зловещая мгла что-то таила в себе неладное и всё казалось в это время как будто бы живое* [9, с. 11; 33, с. 363, 366]. Порой авторам хорошо удается завуалированная передача эмоций – как индивидуальных, так и коллективных: *Впереди море, качки, быть может, и дно...; запищала гармонь, а песен ни от кого и камнем не вышибешь* [21, с. 18; 16, с. 26].

Применяемые матросами сравнения иногда красивые и оригинальные, иногда забавны, порой неожиданны: *ночью эскадра походила на город, освещенный многими фонарями; команда спала под открытым небом, одеялом каждого служил небесный свод; вершины гор были покрыты легким, как кружево, снегом; заросший тропическим лесом остров выглядел как шапка лохматая черкеса* [8, с. 228, 236; 13, с. 61; 9, с. 17]. Проводятся и профессиональные параллели: *матрос без табаку, что шлюпка без руля* [32, вып. 15, с. 81]. Рискованное ремесло моряка и постоянная близость к смерти рождала мрачные сопоставления: *койки, эти белые гробы, акула – это гроб наш, море – широкая могила моряка* [21, с. 36, 140; 32, вып. 15, с. 79]. Очень точно выражено ощущение при появлении японских кораблей при Цусиме: *Смерти идут* [21, с. 154].

При этом в сравнениях господствуют образы, понятные русскому крестьянину и взятые из привычных ему природы, хозяйства и быта: *точно лес вырос на море, а это были мачты, сжатая берегами гавань как речка протекает по деревне* [9, с. 7, 18]. Обыгрывается форма корпуса корабля – *будем гладить океаны своим утюгом*, описываются пробоины от снарядов – *с большое окошко и хоть на тройке проезжай* [21, с. 97; 29, вып. 2, с. 292; 33, с. 369]. В Цусимском бою *наши суда горели, как деревни, а выстрелы из орудий отдавались в голове, как удары молота в кузнице* [8, с. 238; 33, с. 372].

Конечно же, абсолютно преобладают стандартные, затертые многовековым употреблением сравнения: *море спокойно, как зеркало или покойно, как пруд; взрыв мины походил на оглушительный раскат*

грома; наши боевые силы таяли, как восковая свеча [8, с. 224; 13, с. 34; 19, с. 50; 33, с. 372]. В отношении учававшихся матросов применяется распространенный оксюморон *живой мертвец* [17, с. 108]. Венцом же пусть типичных, но воистину прекрасных образов является обращение к жене: *ангел Лукерия* [30, с. 343].

Зачастую встречаются абсолютно фольклорные формулировки: *корабли улетают в далекие края, красота что картина писаная, неприятель бросился... как зверь, адмирал что... туча ходит* [16, с. 16; 9, с. 14; 15, с. 32; 22, с. 105]. *Если был бы я ясным соколом, полетел бы сегодня в родительский дом; улетел бы сейчас без оглядки туда, куда глаза глядят* [24, с. 135; 9, с. 21]. Любимая женщина характеризуется как *сизокрылая голубка и птичка щебечунья*; и даже ненавистный адмирал получает совершенно фольклорную характеристику – *семиглавый змий* [17, с. 74; 9, с. 18; 21, с. 88].

Наличествуя и другие характерные для народной литературы зооморфизмы: *военный царский слуга точно птица без крыла; точно вороны, почуявшие добычу, летели на нас неприятельские суда; змеями извиваются шелковые вымпела; судно водит лучами прожекторов, точно таракан усиками* [24, с. 135–136; 13, с. 61; 33, с. 375, 378]. Активное использование зооморфных образов служит своего рода переходным мостиком от типично фольклорных формулировок к более сложным аллегориям. Показательно, что господствуют образы птиц и почти не обыгрываются, казалось бы, более привычные морякам сравнения с рыбами и морскими животными, что демонстрирует сохранение устойчивой фольклорной традиции земледельческого народа.

Интересны и отдельные речевые обороты, развивающие эту традицию: *смерть была на носу у каждого; так всех за сердце и ущипнуло; прихлопнув приотворившуюся было сердечную дверь, склонил голову перед немилостивой судьбой* [8, с. 240; 6, с. 65; 17, с. 123, 150]. Чувствуются народные истоки матросской меры *не шире моря* [13, с. 5]. Незамысловато описывается природная экзотика: *Видишь величины и разные цвета рыб и думаешь, что они были у маляра, и тот покрасил их и отпустил* [21, с. 131]. Порой же прослеживается удивительная простота и наивность – например, в реакции матросов, впервые увидевших больших медуз: *Гляди, гляди, нимфы плывут!* [16, с. 72].

Весьма любопытны встречающиеся в текстах противопоставления: *как лапоть против лакированного сапога, как суковатый осокорь против стройной белой березки* [17, с. 13, 15]. Контрастируют не только образы, но и ситуации: *в России теперь крещенские морозы, разукрашенные инеем дерева, здесь же – едим только что сорванные бананы в вечно зеленом лесу; на Пасху дома дожидаются великого дня, а мы великой страсти (боя)* [10, с. 71; 8, с. 232]. В более развернутых антитезах применяется риторическое усиление: *Японцы заряжают пушки и минные аппараты, а в нашем командовании расставляют хорошее вино шампанское... Подымая бокалы, кричат “ура!..., а на рейде японцы топят русские суда, на рейде гром, на рейде война* [4, с. 80]. В целом же психологические и событийные контрасты в матросских

текстах достаточно редки, за исключением описаний изменчивого моря. Еще более редки, хотя эффектны, отдельные гиперболы: *вшей хоть голиком с рубашки сметай, настолько истоцали, что и кровь-то нас не греет* [28, с. 262, 266].

Разумеется, в записях фиксируется множество просторечий: типичные *вчера* и *пондравилось*, *губоватые не надо дуть морду, шлялись в море, куда мы прем!?, нализался и чуть не сдох* [27, с. 162; 9, с. 8; 30, с. 355; 32, вып. 16, с. 46; 21, с. 113, 174]. Неприятеля *били как дурака, в бою с шумом бухнулся снаряд и орудия совсем посибиали* [28, с. 271; 16, с. 160; 29, вып. 2, с. 319]. На танцах один офицер *катал вприсядку, другой кадрили отдирает* [13, с. 43; 22, с. 81]. И, в качестве итога – *Жилось в плену неплохо. Кормили ничего* [26, л. 8].

При этом грубость и мат авторами употребляются редко: сказывается уважение к письменному слову. «Кругленькие», «скромные» и «грязные» словечки приводятся или с отточиями, или латиницей, или прямым текстом, а иногда замещаются эвфемизмами вроде отправки к «боговой матери». В целом же бранная лексика на удивление стереотипна и не содержит знаменитых морских «загибов».

Конечно же, по текстам широко разбросаны флотские жаргонизмы: моряки, которых тошнило, *травили канат*; кто крепко заснул – *встал на оба якоря*; кто утонул – *ушел на завтрак акулам* [16, с. 24; 21, с. 29; 9, с. 7]. Даже медвежьёю болезнь заменяет сугубо флотское выражение *кингстон прошибло* [22, с. 81]. И если для матроса-новичка морская лексика сначала выглядела как *тарабарская грамота* [13, с. 2], то в дальнейшем освоение профессионального жаргона становилось важным элементом корпоративной спайки и новой самоидентификации, которым так и тянуло козырнуть перед «непосвященными».

Временами проскальзывает колоритный простонародный юмор, например, в описании морского боя на артурском рейде: *...только дудка просвистела «команде чарку пить и обедать», а там япошка со своей эскадрой к нам идет обедать: так и не дал, сукин сын, нам пообедать, начал палить... На наш «Амур» один гость [снаряд] залетел: ...должно быть, озяб – улегся на паровые котлы, но не взорвался* [31, с. 74]. Присутствуют едкие насмешки над противником: *врагов угощали выстрелами, японцам пришили бороду и наломали хвост, да еще и насрали на несколько миллионов* [14, с. 13; 6, с. 66; 16, с. 162; 30, с. 356]. Изредка встречается черный юмор: говоря о подрыве китайцев на морских минах, минер В.Н. Изергин замечает: *Это они мне сокращали вылавливание мин* [31, с. 78].

Имеются и словесные портреты сослуживцев, обычно вышестоящих начальников. Иногда они развернутые, с описанием внешности, черт характера и даже попыткой психологического анализа, но чаще краткие и схематичные, заключающие весьма стертый контур человеческой личности. Отзывы звучат и восхищенно: *командир, несмотря на седину, глядит таким орлом, что куда мичманам против него*; и оскорбительно: *один адмирал что суслик, другой в видке какого-то деревянного обрубка, одетого в морскую форму* [13, с. 42; 4, с. 78, 80]. Яркое впечатление по-

рой оставляют мимолетные встречи: *красавица американка, одетая просто, но с какой-то неуловимой отчаянностью... наэлектризовала всех офицеров* [13, с. 36].

Часто встречаются негативные и сатирические оценки той или иной личности. Особенно достается боцманам: *большой руки сволочь, вечный шура, вся команда ненавидела как анафему* [6, с. 67; 4, с. 83; 17, с. 119]. В отношении нелюбимого офицера употребляется оригинальный оксюморон: *скоро ли мы его и сбудем, такого ненаглядного супостата* [6, с. 67]. Однако и положительная оценка офицеров отнюдь не является редкостью.

Интересно упрощенное изложение по памяти речей командиров и адмиралов, в которых выделяются моменты, важные именно для нижних чинов: *Я радовался тому, что с такими молодцами... мне и неприятель ничто, и вот, братцы, за вашу молодецкую работу спасибо вам, братцы, и по чарке водки* [12, с. 312]. По-народному просто переданы слова командира в канун последнего боя: *Бояться нам нечего: одной смерти не миновать, а двум не бывать. Мы на то и шли* [29, вып. 2, с. 321].

О начале русско-японской войны говорится кратко: *совершилось людское злодейство, итоги войны подводятся столь же емко и лаконично – нето чужое взять, и свое потеряли* [16, с. 154; 35, с. 203]. При рассказе о военных событиях центральное место занимает обычно малоинформативное, но красочное описание боев с обязательными гиперболами, которыми авторы стараются придать происходящему эпические черты: *от стрельбы раздался гром по всею морю, снаряды сыпались, как горох, судно все окрасилось кровью* [29, вып. 2, с. 320; 11, с. 75–76].

В описаниях сражений господствует ярко выраженный натурализм: *Кто был совершенно обезображен до неузнаваемости, иные с вывалившимися внутренностями, или без ноги, или без руки. Повсюду разбросаны куски человеческого мяса, кровь, перемешавшаяся с грязью* [10, с. 61]. Жутко звучат подробности пережитого боевого опыта на суше и на море: *я... неоднократно из рукопашного боя выходил с одним штыком, и как у меня – изогнутым штыком, а приклад и ложе разбивал о головы противного врага; при спасении на воде мне попался убитый матрос со спасательным поясом, я вытряхнул его из пояса и приспособил его себе* [5, с. 50; 2, с. 60]. Приводимые обстоятельства гибели сослуживцев и жуткие в своей реалистичности описания изуродованных трупов ничуть не уступают более поздним фронтовым заметкам А. Барбюса, прочно закрепившего эти страшные образы в мировой литературе.

Да и в целом флотская служба далеко не всегда романтична, о чем свидетельствует грубый натурализм матросских записей. Но даже о печальных последствиях морской качки мемуаристы могли сказать и по-простому: *рвало почти всех, не исключая и господ офицеров; и деликатно: море заставило удалиться на ложе болезни* [16, с. 32; 8, с. 222].

Тем не менее общий настрой авторов обычно остается позитивным. Особенно ярко и красочно они описывают представителей тех народов, которых довелось встретить в дальних морских походах: *турки,*

обвернутые с головы до ног какими-то хламидами, большеносые греки, индейцы мазурики и, конечно, незабываемые негрятя: зубы у них блестящие, кожа черная, гляцевитая, тела длинные, движения проворные, сущие чертенята [16, с. 46, 68; 9, с. 16; 16, с. 88]. Удивляют властители далеких стран: *имел счастье видеть корейского короля... С виду нет ничего особенного – даже много хуже деревенского мужика; видели и босого царя – это правитель Индии султан* [6, с. 67; 28, с. 281]. Объединяет же все народы одно: *Женщины, только денег давай, всюду ласково примут* [25, л. 3 об.].

Заморские края нередко оцениваются с восторгом: *Америка всем изобильна, Япония – уютная солнечная страна; в южных широтах и небо не то, что у нас, ярче, а о морозе и не слыхали* [35, с. 216–217; 16, с. 126; 21, с. 123]. Но эти оценки совсем не сбивают общего патриотического настроения: *нигде русские себя не осрамляют, сколько городов вот уже и я проехал морских, но гораздо хуже русских* [9, с. 21; 6, с. 62]. Не удивительно, что один из постоянных мотивов матросских мемуаров – тоска по родине: *воспоминания точат наши сердца, мысли невольно несутся на далекий север, где узрюмая густая елка дорожке розового куста* [21, с. 138; 24, с. 131–132].

Однако знакомство с жизнью за границей позволяло оценить Родину со стороны, в том числе критическим взглядом. Например, одного из авторов при возвращении на малую родину раздражают даже местный говор и диалектные слова, и он безапелляционно заявляет: *Всюду лапоть, невежество, некультурность, ну и родина... Нужна здесь рука просвещения* [21, с. 201–202]. Негативные стороны флотской службы и поражение в русско-японской войне пробуждают и революционные мотивы: *близ царя, близ и смерти; стыдно, конечно, не за себя, а за Его Величество и, как итог, – мы открыли миру гнилость самодержавия* [21, с. 13, 166, 189]. Так постулируется открытый разрыв с народной традицией.

Интересны и декларируемые матросами мировоззренческие установки. Фатализм – как религиозный (*Жизнь наша в руках Господа*), так и более абстрактный (*Злой произвол судьбы управляет мной*) – иной раз сводится к безразличному *жив – хорошо, и убьют – недурно* или панихидно-бесшабашному *может быть, придется постлать постелю вечную на дне морском... А остальное всё тын-трава* [30, с. 358; 21, с. 187; 32, вып. 15, с. 82; 7, с. 345]. Но некоторые авторы формулируют оригинальные обобщения (*Вся служба наша в чем состоит: на воде, у воды и в воде бродишь*), афоризмы (*Путь удлиняется, а жизнь укорачивается*), и ставят философские вопросы, иногда с политическим оттенком: *Как природа всё сделала премудро, всё на радость человеку... Но он кого собой радует?; О Русь святая! O sancta simplicitas! <...> Долго ли ты будешь хромать на оба колена, со слепыми вождями ослепленного народа?* [6, с. 68; 21, с. 153, 184; 33, с. 366]. Таким образом, проявляются первые начатки публицистики.

Вообще же в матросских произведениях почти всегда прослеживается более или менее выраженная авторская индивидуальность, выводящая эти тексты за рамки фольклора. Разумеется, в целом матросские

записи достаточно стереотипны, и приведенные в настоящем исследовании цитаты – как правило, лишь редкие литературные изюминки из недопеченной и черствой булочки сухого, скучного и безграмотного текста. Однако отдельные произведения и авторы заслуживают более пристального внимания. Яркость и образность языка вызывают искреннее уважение даже к его не самым образованным носителям.

Матросы тех лет в подавляющем большинстве изначально являлись представителями аграрной, отнюдь не письменной культуры. Но благодаря относительной просвещенности авторов-моряков мы имеем редкую возможность услышать слабый и отчасти искаженный спецификой службы голос «великого немого» – русского крестьянина, взглянуть на огромный мир его глазами. И хотя массовость матросских записей явно свидетельствует о наступавшем кризисе традиционной культуры, их образный строй и характер столь же явно указывают на преемственность в развитии национальных культурных особенностей, а не разрыв с приевшимся обычаем под влиянием сторонних образцов.

На представленном примере ясно прослеживается переход от устной к письменной культурной традиции. Наиболее образованные матросы выходят за очерченный круг фольклорных образов, их заметки приближаются по стилю к распространенному в то время жанру беллетризованных путевых впечатлений. Нельзя не отметить и его глубокие корни в русской литературе: от заморских «Хожений» средневековых паломников и купцов до «Фрегата “Паллады”» И.А. Гончарова. И хотя в художественном плане весьма «шершавые» матросские записи неизменно уступают произведениям профессиональных литераторов, они имеют свою особинку, свою прелесть. Наивные тексты, словно полотна художников-примитивистов, отражают почти детскую чистоту, простодушие и искренность авторов.

Сопутствующий путевым очеркам динамизм сменя впечатлений сам по себе приковывает внимание читателя. Возникают ассоциации с самыми разнообразными произведениями морской тематики: новгородскими былинами о Садко, полусказочной «Истории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии», романтическими повестями А.А. Бестужева-Марлинского и рассказами К.М. Станюковича. А в дневниках и мемуарах моряков, прошедших горнило Цусимы, обычное путевое описание внезапно завершается в жанре трагедии – даже не стараниями автора, а самим ходом событий.

Особое внимание матросы-мемуаристы уделяют ярким картинам, оживляющим размеренную и скучную судовую жизнь: это описание пережитых штормов, увольнений на берег, встреч с представителями других народов и, разумеется, морских боев. Отчетливо прослеживаются романтика моря и неизбывная тяга к прекрасному. Несмотря на многочисленные клише, идущие от устного творчества и лубочной литературы, сочетание рационального и образного восприятия действительности подчеркивает постепенный отход авторов от фольклора с его мифологическими представлениями.

Матросы в своих произведениях обычно не ставят масштабных социальных и философских вопросов. Но в наиболее совершенных текстах наблюдается явное проникновение в народную среду новых мировоззренческих установок, постепенное разрушение ментальных стереотипов аграрного общества. В некоторых произведениях наблюдается переход от описания событий к их критическому осмыслению, проявляется оппозиционность и даже революционность. Итогом развития указанной тенденции уже в советское время стал роман «Цусима» бывшего баталёра царского флота А.С. Новикова-Прибоя.

При этом интересно отметить, что ранние произведения знаменитого писателя-мариниста по языку и стилю мало отличались от рассмотренных выше матросских мемуаров. Исследователь творчества А.С. Новикова-Прибоя В.А. Красильников приводил, например, такую показательную цитату с характеристикой одного из офицеров: *При одном только виде золота он, как ворона с жару, раскрывал пасть, точно собирался глотать его, а глаза его загорались огнем эфиона* [18, с. 388]. Подобное сходство позволяет предположить, что некоторые из авторов-матросов, пойдя по писательской стезе, также могли впоследствии подняться до уровня добротной классической прозы.

Противоположность морского и земледельческого начал не могла не сказаться на матросских впечатлениях и оценках, изложенных на бумаге. Военно-морской флот находился на острие научно-технического прогресса, исподволь разрушавшего многовековые традиции крестьянской жизни. И провозвестниками всего нового, а зачастую и чуждого, становились возвращавшиеся в родные деревни матросы российского флота. Но в своих мемуарах они смогли донести до потомков и чарующий образ чуткой русской души, и красочный слепок неустойчивого мира, разрушенного мировыми войнами XX века.

Литература

1. «Адмирал ведь не дурак, что задумал сделать так»: Матросские стихотворения о Цусиме / вступительная статья С. А. Гладких // Кортик. – 2019. – Вып. 16.
2. Бачурихин, П. Я. На броненосце «Ослябя» в Цусимском бою / П. Я. Бачурихин // Гангут. – 2012. – Вып. 68.
3. Белов, В. [И.] Русский матрос / В. [И.] Белов // Красный Север. – 2004. – 11 февраля.
4. «Было время переносить все невзгоды»: Записки порт-артурского матроса // Источник. – 1997. – № 6.
5. Василий Федорович Бабушкин: материалы к биографии // Кортик. – 2009. – Вып. 8.
6. Гладких, С. А. Дневник минёра А. А. Шеромова (1894–1899 гг.) / С. А. Гладких // Кортик. – 2015. – Вып. 15.
7. Гладких, С. А. Письмо И. А. Денежкина из Порт-Артура, 25 января 1904 года / С. А. Гладких // Вестник Морского государственного университета. Общественные науки. – Вып. 11. – Владивосток : МГУ им. адмирала Г. И. Невельского, 2006.
8. Дневник и воспоминания участника Цусимского сражения Дмитрия Семеновича Смирнова // Лодия. – 2009. – № 6.
9. Дневник машиниста крейсера «Варяг» Д. П. Александрова // Помни войну! – 2003. – № 1.

10. Дневник машиниста крейсера «Россия» Ф. У. Перфильева, 1904–1906 гг. // *Защитники Отечества*. – Вып. XVII. – Архангельск : Правда Севера, 2005.
11. Дневник неизвестного моряка с эскадренного броненосца «Орёл» (17 сентября 1904 года – 19 мая 1905 года) // *Лодия*. – 2007. – № 4.
12. Дневник сигнальщика крейсера «Варяг» Ивана Александровича Прахова (1903–1904 годы) // *Великий Устюг: Краеведческий альманах*. – Вып. 4. – Вологда : ВГПУ, Русь, 2007.
13. Зиновьев, В. В северном плавании на канонерской лодке «Манджур» (Из дневника матроса). – Б.м., 1907.
14. Из дневника А. Р., машиниста 1-й статьи на канонерской лодке «Кореец» // *Унтер-офицер*. – 1914. – № 40.
15. Из дневника машиниста крейсера «Варяг» Белоусова Д. Я. // *Помни войну!* – 2003. – № 1.
16. Из Кронштадта в Порт-Артур. Дневник матроса В. М. Ермакова о плавании на крейсере «Диана» в 1902–1904 гг. – Екатеринбург : Издательский дом «Классика», 2014.
17. Корзников, С. И. Из записной книжки С. И. Корзникова. С 1889 по 1913 гг. / С. И. Корзников. – Архангельск : Правда Севера, 1999.
18. Красильников, В. [А.] Примечания / В. [А.] Красильников // *Новиков-Прибой А. С. Цусима*. – Кн. 1. – Москва : Правда, 1984.
19. Крейсер «Адмирал Нахимов» в Цусимском сражении. Воспоминания членов экипажа // *Гангут*. – 2012. – Вып. 67.
20. Ливен, А. А. Дух и дисциплина нашего флота / А. А. Ливен. – Санкт-Петербург : Военная типография императрицы Екатерины Великой, 1914.
21. Ляпунова, О. А. Дневники участника Цусимского сражения 1905 года Савватеева Н. М. / О. А. Ляпунова. – Ижевск : Известия Удмуртской Республики, 2017.
22. Магдалинский, А. В. На морском распутье. Записки участника Цусимского боя / А. В. Магдалинский. – Ярославль : Ярославское книжное издательство, 1954.
23. Макаров, С. О. Рассуждения по вопросам морской тактики / С. О. Макаров. – Москва : Военмориздат, 1943.
24. Малевинская, М. Е. Машинист 1-й статьи Афанасий Брагин о службе на крейсере «Владимир Мономах» (1897–1900) / М. Е. Малевинская // *Елагинские чтения*. – Вып. 5. – Санкт-Петербург : Остров, 2011.
25. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 423. – Оп. 1. – Д. 232.
26. ОР РНБ. – Ф. 524. – Оп. 2. – Д. 459.
27. Отрывки из дневника рулевого Федора Соколова // «Орёл» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. – Санкт-Петербург : Гангут, 2014.
28. Радишевская, В. А. Из записок комендора Василия Дроздова о русско-японской войне 1904–1905 гг. / В. А. Радишевская // *Защитники Отечества*. – Вып. 11. – Архангельск : Правда Севера, 2008.
29. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. – Отдел IV. 2-я Тихоокеанская эскадра. – Кн. 3. Бой 14–15 мая 1904 года. – Вып. 1. Донесения и описания участников боя. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1912; Вып. 2. Донесения и описания участников боя. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1907.
30. Семнадцать писем артиллерийского квартирмейстера 1-й статьи крейсера «Громобой» Матвея Лаптева // *Владивостокский отряд крейсеров 1904–1905 гг.* – Владивосток : Русский Остров, 2012.
31. «...Сколько у меня с этими минами было страха!» Из воспоминаний участника русско-японской войны минёра В. Н. Изергина // *Кортик*. – 2010. – Вып. 11.
32. Смородов, В. А. «Милая и дорогая мама...»: Письма матроса эскадренного броненосца «Сисой Великий». 1904–1905 гг. / В. А. Смородов // *Кортик*. – 2015. – Вып. 15; 2019. – Вып. 16.
33. Странички из дневника сигнальщика с эск[адренного] брон[еносца] «Орёл» В. [П.] Зефирова // «Орёл» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. – Санкт-Петербург : Гангут, 2014.
34. Чебыкина, Н. В. Проект «Сладко житьё» как инструмент популяризации исторического и литературного наследия Поморья / Н. В. Чебыкина, О. Е. Горшков // *Русский Север – 2021: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия*. – Вологда : Полиграф-Периодика, 2021.
35. Шульгин, Н. В. Дневник моего деда матроса 1-й статьи Федора Кузьмича Шульгина / Н. В. Шульгин // *Северные родословия*. – Вып. 1. – Архангельск : Правда Севера, 2002.

S.A. Gladkikh

**FROM FOLKLORE TO LITERATURE:
DIARIES AND MEMOIRS OF THE LOWER RANKS
OF THE RUSSIAN NAVY AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY**

The article is devoted to the analysis of sailors' diaries and memoirs considered as literary works written at the turn of the 20th century. The nature of these texts is noted to be transitional from folklore to literature, from oral to written cultural tradition.

Sailors' memoirs, folklore-literary relationship.